

Мария Шнейдер-Кулаева

Осколки Розенгейма

**Мария Шнейдер-Кулаева
Осколки Розенгейма.
Интервью,
воспоминания, письма**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275677
ISBN 9785449619228*

Аннотация

В книге опубликованы интервью с бывшими жителями села Розенгейм Республики немцев Поволжья, депортированными в 1941 г. в Сибирь, их воспоминания о жизни в родном селе, особенностях быта, а также архивные данные переписи.

Содержание

ВОСПОМИНАНИЯ	5
ПЕСНЬ ОБ УТЕРЯННОЙ РОДИНЕ	5
ИСПОВЕДЬ ЭММЫ	7
БАЛМАН	18
ВОСПОМИНАНИЯ ЯКОБА МИХЕЛЬ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Осколки Розенгейма
Интервью,
воспоминания, письма**

Мария Шнейдер-Кулаева

© Мария Шнейдер-Кулаева, 2019

ISBN 978-5-4496-1922-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает благодарность всем, кто поделился воспоминаниями о родном селе Розенгейм

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕСНЬ ОБ УТЕРЯННОЙ РОДИНЕ

Мать в детстве пела песню мне
о незнакомой реке Волге.
И незнакомая река
мне проникала прямо в сердце.

Еще в ней пелось о весне
и о садах цветущих в мае,
о жаворонке в вышине
и трелях соловья в тумане.

О той дороге без конца,
где песнь колеса напевали,
о прежней жизни в Розенгейм
и о нелегкой бабьей доле.

Как встретил их суровый край,
радушней мачеха встречала.
Одно название «Сибирь»
кровь в жилах сразу остужала.

Судьбу родителей, детей

мое все сердце отражала.
Храни нас Бог! Храни нас всех!
Во имя жизни заклинала.

Мне непонятна была грусть,
с которой песнь всегда звучала.
И лишь теперь, на склоне лет,
я эту песню разгадала.

Мария Шнейдер-Кулаева
12 марта 2012

ИСПОВЕДЬ ЭММЫ

Когда моего отца Иоганиеса Вернер, маму Маргариту Вернер, бабушку по отцу Маргариту Вернер и двух моих сестреноч Эмму и Амалию насильственно выселили в Сибирь 9 сентября 1941 года, меня еще не было на свете. С нами была сестра моего отца Эмма и ее муж Бенедикт Сайферт.

Выдержка из алфавитной карточки, подтверждающая выселение из АССР Немцев Поволжья по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года:

1. Вернер Иоганиес Иосиф. 1907 г. Рожд. – немец, с. Реммлер Унтервальденского кантона, колхозник
 2. Вернер Маргарита Ник. 1913 г. рож. жена
 3. Вернер Эмма Иоганиес. 1938 г. рож. дочь
 4. Вернер Амалия Иоганиес. 1940 г. рож. дочь
 5. Вернер Маргарита Михаил. 1878 г. рож. мать
- Эш. 750

Время отправки 09.09.1941 год – Новосибирск.

До выселения все они проживали в селе Реммлер, ныне Подлесное, Унтервальденского кантона Саратовской области. Местом их поселения стала далекая деревня Еланка Михайловского района Новосибирской области.

Нашим людям, в том числе и моим родным, по прибытию деваться было совершенно некуда. Они спешно начали сооружать шалаши, чтобы хоть как-то укрыться от холода. Местное население было настроено враждебно против несчастных прибывших.

Оно и понятно, ведь с одной стороны шла война не на жизнь, а на смерть, и ни с кем иным, как с немцами. Люди теряли своих близких, получали похоронки. Уже возвращались раненые и искалеченные в боях близкие и родные, которые сражались и умирали на фронтах за свою Родину.

С другой стороны, мы ведь тоже были немцами, но по воле судьбы мы являлись соотечественниками. Наши предки два с лишним века трудились вместе с остальным народом на благо России и в одночасье оказались злейшим врагом для русского населения. Почему? Виной тому была наша национальность.

В течение ноября и декабря от переохлаждения умерли две мои маленькие сестренки – четырехлетняя Эмма и двухлетняя Амалия. Страх и горе бедных родных описать невозможно. Родившегося в семье Эммы Сайферт сына Михаэля ожидала та же участь, что и моих сестренок. Тетя Эмма со своим мужем Бенедиктом ютилась точно в таком же шалаше, как и мои родные. Зимы в те военные годы были особенно лютыми. Как рассказывали впоследствии очевидцы, нашим маленьким немецким детям не оставалось никаких

шансов на выживание.

12 января 1942 года родилась я, Вернер Эмма Иоганнесовна, названная в честь замерзшей сестренки, несчастное, изгнанное существо, которое должно было родиться в благополучной и обеспеченной крестьянской немецкой семье на Волге, но по злой воле родилась в Новосибирской области в шалаше. Однако по воле Бога я должна была остаться в живых, так как к моменту моего появления в тот жестокий мир мои родители раздобыли железную печурку, которая и называлась «железка». В нее закладывали дрова и бересту, и она мигом нагревалась. Таким образом моя маленькая жизнь была спасена.

Война с германским фашизмом была в самом разгаре. Через короткое время меня крестили. За священника была моя бабушка Маргарита. Крестили прямо в шалаше, так как церкви не только католической, но и православной не было вблизи Еланки. Совершенный обряд моего крещения был вынужденным (Nottaufe). Мои близкие боялись, что меня может постичь та же участь, что и моих сестер. Они сами, как могли, окрестили меня в католическую веру, поскольку сами были католиками.

Это был печальнейший Божий обряд, но я всегда верю, что именно он оказывал мне покровительство и поддержку. В самых сложных ситуациях благодаря ему я находила выход из тяжелого положения. Мать Мария стала моей заступницей перед Богом.

Через три месяца после моего рождения отца Иоганиеса, дядю Бенедикта и тетю Эмму забрали в трудармию. Все мужское население тогдашнего СССР, не имевшие бронь, было на фронте. Уже к концу осени 1941 года армия была почти полностью «очищена» от лиц немецкой национальности, за исключением немногих, сумевших это скрыть и продолжавших героически сражаться с германским фашизмом.

Снятые с фронта военные и мобилизованные по всей стране сограждане немецкой национальности сразу направлялись в трудармию, а это шахты, лесоповал, рудники, нефтеразработки, строительство и т. д. наших людей заставляли жить под гнетом зла и насилия везде, где бы им не приходилось находиться, будь то в деревнях, заводах, лагерях. Нам, детям, было не легче. Где бы мы ни попадались местному населению на глаза, нас автоматически награждали нелицеприятными эпитетами, о которых нетрудно догадаться.

Мой отец Иоганиес Вернер попал в Кемеровскую область на шахтерскую кухню, где работа не прекращалась круглые сутки, чтобы после тяжелой смены был готов завтрак, обед и ужин. Муж тети Эммы, Бенедикт Сайферт, попал по распределению на лесоповал, так как он имел более крепкое телосложение. Тетя Эмма попала в Сызрань на укладку нефтяных труб при нефтеразработке.

Моя бабушка Маргарита Михайловна, моя мама Маргарита и я, трехмесячное создание, остались в Еланке в нашем шалаше. С приходом весны маму Маргариту Николаевну де-

ревенская власть определила работать на колхозную ферму. В основном там содержали коров, свиней и быков. Ей приходилось выполнять различные работы. При подготовке к зиме пришлось утеплять скотные дворы. Для этого использовали солому, навоз и глину, которую месили ногами.

Таким образом она работала до тех пор, пока не простыла и не слегла, застудив себе почки. Медицинской помощи ей никто не оказывал. Мама стала отекать и ее болезнь дошла до такой стадии, что она не влезала в свою одежду. Она нужна была России как рабочая лошадь, а когда заболела, то про нее никто и не вспомнил. 28 марта 1943 года в возрасте 29 лет моя мама Маргарита Николаевна Вернер, урожденная Дорнхоф, умерла от нефрита почек. Гроб ей делать было некому и ее хоронили завернутую в одеяло. Сердобольные женщины из русских, работавших вместе на ферме, разрыли могилу, где были похоронены две ее дочери, и положили туда маму.

В год и два месяца осталась я без мамы. Отец в то трагическое время был в трудармии. Единственным родным человеком была моя бабушка, которой в ту пору исполнилось уже шестьдесят пять лет. По причине ее возраста и маленького телосложения на колхозные работы ее не посылали, и она взяла всю ответственность за меня на свои хрупкие плечи.

Мы по-прежнему жили с ней все в том же шалаше. У нас не было никаких средств к существованию. Бабушке приходилось садить меня в мешочек за спиной и ходить от двора

ко двору из одной деревни в другую пешком и просить милостыню.

В трех километрах от Еланки находилось село Балман, где также жили семьи высланных немцев с Волги, в том числе и из села Реммлер. Это были Горнуг Людвина с сыновьями Михаэлем, Александром и падчерицей Франциской, Моор Розалия с сыном Корнелием и дочерью Катериной, Шмельцер Амалия с сыном Ахимом и дочерью Марией. К ним-то и ходила за помощью моя бабушка со мной в мешочке за плечами. Люди и сами жили в бедности, не имея лишнего куска, однако делились, чем могли.

Постепенно люди приобретали более-менее сносное жилье, огороды и хозяйство. Ведь мудрая пословица так и гласит: «На одном месте и голый пенек обрастает». Как бы там ни было, люди от доброй души и божеской милости оставляли нас часто на ночлег, а в дорогу давали немного еды.

Доходили мы иногда и до деревни Сергиевка, расположенной за двадцать с лишним километров от Еланки. Там тоже проживали наши земляки с Поволжья. К примеру семья Шнейдер – мать Эмма, сыновья Генрих и Густав, дочери Ирма и Гильда. В этой семье мы были частыми гостями, оставаясь на ночь. Еще в этой семье проживала моя будущая не родная мать со своим сыном Фридрихом, которая несколько лет спустя станет женой моего вернувшегося с трудармии отца. Это Эмилия Генриховна Шнейдер, урожденная Меель. Мужья Эммы и Эмилии были родные братья

и находились, начиная с 1942 года, в трудармии.

Мой отец долгое время не знал о смерти моей мамы. Мама умела писать и владела русским языком. Когда переписка прекратилась, отец написал письмо бабушке. Она была малограмотная и попросила кого-то из земляков сообщить сыну о смерти его жены Маргариты. Из письма он понял, что умерли все, и он прекратил переписку.

Бабушка, ожидая от сына известия, совсем стала терять веру и надежду на выживание вместе со мной, беспомощным ребенком на руках. В то лихое для нас время сельская управа в Еланке несколько раз вызывала мою бабушку и предлагала отдать меня в детский дом, находившийся в селе Балман. Она наотрез отказывалась от этого предложения, объясняя, что пусть ребенок лучше умрет на ее руках и вместе с ней. Тогда ее сын Иоганиес будет знать, что искать больше некого. Она снова попросила написать письмо сыну с объяснением, что мы с бабушкой живы и находимся в очень бедственном положении, и что его жена Маргарита умерла.

Узнав о нашем бедственном положении из полученного письма, отец начал собирать из своего скудного трудармейского пайка все, что мог. Его товарищи по лагерю помогали ему, чем могли. Среди них был и Фридрих Шнейдер, муж Эмилии, которая впоследствии станет моей мачехой. Таким образом отец спасал нас с бабушкой от голодной смерти.

Русская женщина по имени Маруся, у которой была дочь Шура, а муж к тому времени уже погиб на фронте, сжалив-

шись, предложила нам с бабушкой перебраться к ним. У ней была избенка и небольшое подворье, что имело большое значение в то лихолетье. Было лето, и бабушка решила немного повременить.

Моя бедная бабушка Маргарита Михайловна спасала меня от смерти каждый день и час, каждую минуту и секунду своим примером самопожертвования. Сколько раз она отрывала от себя последний кусочек еды, чтобы я, съев его вечером, не плакала ночью от голода, а спокойно спала своим детским сном в ее теплых объятиях. Если утром на завтрак нечего было есть, она вновь садила меня в мешок-рюкзачок и мы отправлялись от двора ко двору, от села к селу. Побирались не потому, что она и мои родители были плохими людьми, а из-за горькой военной нужды, которую навязал нам проклятый Гитлер. Говорят, что старожилы и их дети по прошествии семидесяти лет все еще вспоминают о странной женщине с ребенком в мешочке за спиной, появлявшуюся в их деревнях и просящую милостыню.

Сколько сирот осталось без родителей по причине ужасной войны? А как проклинали нас неповинных, несчастных людей, по горькой воле судьбы относящихся по рождению к немецкой национальности? Сколько наших соотечественников-немцев, мобилизованных в трудармию, самоотверженно трудились везде, где так нужны были руки, выполняющие самые тяжелые работы – на шахтах, лесоповалах, заводах, нефтеразработках, строительстве?

В то беспробудное, тяжелое время их матери, жены, дети в далекой, холодной Сибири, Казахстане, дальнем Севере, лишенные материальных благ, ущемленные в правах, были брошены на произвол судьбы. Униженные трудармейцы тяжело переживали о своих семьях и в бессонные ночи задавали себе один и тот же вопрос – живы ли еще они? Иные отдавали Богу душу, так никогда и не узнав, что стало с семьей. Много семей, которым не довелось и уже не доведется узнать, в каких лагерях встретились с вечностью их родные отцы, мужья, братья.

Благодаря стараниям и заботам бабушки я стала понемногу прибавлять в весе. Ей становилось все трудней носить меня с собой и просить милостыню. Ближе к осени она приняла предложение Маруси, и мы поселились у ней в избушке. Одному Богу известно, сколько горючих слез пролила моя бабушка за все время наших невзгод, какими молитвами просила за нас двоих, горемычных, заступничества, покровительства и помощи у святой богородицы Марии и ее сына Иисуса Христа. Возможно, поэтому Господь Бог оставил нас в живых после всех наших мытарств. «Нет худа без добра» – гласит русская пословица.

Пребывание у Маруси запомнилось мне несколькими эпизодами. Помню, как мы сидели за столом и из большой чашки ели свежесваренную картошку. От нее шел такой аппетитный пар и вкусный запах. Потом мы с Шурой начинали играть. Бабушка оставляла меня с Марусей и Шурой, а сама

по-прежнему ходила по дворам и просила подавания. То, что ей давали сердобольные люди, она делила теперь на нас четверых и таким образом вносила нашу долю за проживание у них. Маруся и Шура, несмотря ни на что, были к нам добры. Мы были благодарны им за это.

Как только я начала говорить, бабушка стала учить меня утренним и вечерним благодарственным молитвам к Богу Отцу, Сыну и Святому Духу, а также к Святой Богородице Марии. Эти молитвы я, трехлетний ребенок знала, как таблицу умножения. Наверное, поэтому нам оказал Бог свою милость на выживание через Ангела Хранителя, которому завещали мой ушедший в трудармию отец, умирающая двадцатидевятилетняя мама и бабушкины молитвы и старания.

Главное состояло в том, что как бы нас не оскверняли немецко-фашистским клеймом, моя бабушка Маргарита Михайловна своим беззаветным примером терпения доказала, что мы, российские немцы, также страдаем из-за войны с Германией и никакой опасности для России не представляем. Всему приходит конец, пришел он и четырехлетней кровопролитной войне, в которой я потеряла маму и двух сестер.

По окончании войны жизнь в одночасье не улучшилась. Бабушка все также была вынуждена ходить и побираться, хотя иногда получала посылки от своего сына Иоганиеса, который по-прежнему находился, как и другие трудармейцы, в лагере. Посылки и письма отец адресовал на нашу одно-

сельчанку с Реммлера, Амалию Шмельцер.

Мне хотелось уже познавать окрестности деревни. Однажды бабушка хотела меня наказать за то, что мы с Шурой пошли на речку. Маруся с Шурой заступились за меня, а вторая дала слово не водить меня больше на реку. Бабушка заплакала и сказала, что я могла утонуть, добавив при этом еще, что скоро приедет папа. Я не знала, кто такой папа, так как в моей жизни до четырех лет я его еще не встречала. У меня, слава Богу, была моя самая любимая на свете бабушка, и я к этому привыкла.

Однажды зимой мой папа Иоганиес Вернер появился перед моими глазами. Я еще не знала, какую роль он будет исполнять в моей жизни, но я видела, что моя бабушка наконец-то была весела и довольна. Поэтому и мне передалось это чувство – я радовалась вместе со всеми. Кроме того, он приласкал меня и дал мне конфетки, которые я до того момента даже не пробовала. Поблагодарив Марусю за гостеприимство, мы перекочевали в наш шалаш.

Отец вскоре устроился в Еланке работать на маслозаводе и при содействии односельчан с Реммлера купил в Балмане небольшую избенку и перевез нас с бабушкой туда.

БАЛМАН

В Балмане была небольшая потребкооперация, состоящая из магазина, пекарни и скотного двора, в котором находилось несколько быков. В пекарне работала женщина-пекарь, в магазине – продавщица Наталья, а на скотном дворе стал работать мой отец. Потребкооперацией заправлял заготовитель. В обязанность отца входил уход за скотом и выполнение всех работ, которые он ему поручал. Он выписывал, к примеру, ему квитанцию с перечнем товаров и продуктов, которые необходимо было доставить в магазин и пекарню из районного села Чумаково в Балман. Доставка из леса дров для отопления конторы, магазина и пекарни также входила в обязанности отца. Со всеми порученными работами он справлялся хорошо. Он считался рабоче-служащим. За работу он получал каждый месяц зарплату и имел право покупать одну булку хлеба в день и другие необходимые товары.

Наша жизнь стала потихоньку налаживаться. Моя бабушка больше не побиралась, а занималась домашними делами и приглядывала за мной. К весне у нас во дворе появилась корова, курочки и поросенок. Когда наступило лето, вместе с отцом пришла женщина с мальчиком примерно моего возраста. Бабушка подвела меня к ним и сказала, что они теперь будут жить у нас. Она пояснила, что я должна буду эту женщину называть мамой, поскольку моя мама умерла. В силу

возраста это было для меня непостижимо и непонятно. У меня ведь была моя самая любимая и дорогая бабушка. В моем сознании и сердце она занимала первое место и имела высший авторитет. У меня язык не поворачивался называть незнакомую женщину непривычным для меня словом «мама». И позже, как ни уговаривали бабушка с отцом, которого я также не могла называть папой, так и при всем моем уважении к тете Эмилии никогда не могла называть ее мамой. Это было для меня непосильно. Еще долгое время предпринимались попытки привить мне родственные чувства. Мне показывали серьги, принадлежавшие моей умершей маме Маргарите Николаевне, объясняя, что она не может вернуться ко мне. Но пересилить себя я не смогла.

Мой сводный брат Фридрих тоже не называл моего отца папой. Так и росли мы с ним полусиротами. Наши маленькие души были травмированы с самого рождения, и если Фридрих жался к своей маме, то я только к своей бабушке.

Мой отец познакомился с мужем Эмилии, Фридрихом Шнейдер, еще в трудармии, где им пришлось нести тяжелое бремя войны. Фридрих тяжело заболел и просил Иоганиеса разыскать его жену и сына в случае его гибели и помочь. Если, конечно, сам останется жив. Мой отец обещал, что если посчастливится вернуться, то непременно наведается в Сергиевку, проведает его семью и по силе возможности постарается помочь.

Возвратившись из трударми, отец разыскал по описанию

Фридриха семью его брата Генриха, где и проживала Эмилия с сыном. Так Иоганиес познакомился со своей будущей женой. По роду деятельности Иоганиесу часто приходилось бывать проездом через Сергиевку. Он останавливался в семье Шнейдер передохнуть, а иногда, припозднившись, оставался с ночевой. В таких поездках у него и пришло простое решение объединить с Эмилией их оставшиеся семьи.

Посоветовавшись со своей матерью, он при следующей поездке в Чумаково сделал Эмилиии официальное предложение. Так у меня и Фридриха появились отец и мать. Мы восприняли это событие молча. Да и мой отец и Эмилия не могли в одночасье вытравить насильно прерванные чувства к своим любимым. Их души были травмированы. Между детьми и между родителями чувствовалась дистанция. Вероятно, надеялись, что стерпится – слюбится.

Через год у наших родителей родилась совместная дочь Мария, еще через год Амалия, которая не дожив до года, умерла от коклюша. Мария, будучи в возрасте трех лет, сильно обгорела и умерла. Мы с Фридрихом вновь остались вдвоем у родителей. Жизнь шла своим чередом дальше.

Однажды я была в магазине, который находился напротив нашего дома и где наша мать работала техничкой, и при выходе столкнулась с соседским мальчиком, который был значительно больше меня. Он накинулся на меня с кулаками и криком «Ах ты, фашистское отродье!» и погнался за мной. Я от страха бросилась домой, но он меня догнал и со всей

силы толкнул. Со всего маху я упала на землю и по инерции пропахала лицом и головой землю. Сделав свое дело, мальчишка убежал. Окровавленная, с ревом я кинулась к бабушке. Увидев меня такой, она расплакалась и стала оказывать мне помощь. Я просила бабушку не плакать, потому что в этот миг слезы моей бабушки ранили мою маленькую душу больше моей собственной физической боли.

Родители с сочувствием вздыхали, но они были такими же бесправными, как и я, и не могли ничего сделать. Почему? За что я, девочка шести лет, должна была терпеть это оскорбительное клеймо фашизма и такую травлю, которая едва не стоила мне жизни? Раны мои постепенно заживали, только на голове остались пожизненно два шрама с правой стороны и с левой возле уха. Одно пятно размером с пятак, где волосы никогда больше не росли. Я вынуждена была всю жизнь прикрывать это место. Позже я спрашивала бабушку, почему этот мальчик был на меня так зол и почему он меня так называл? Бабушка меня успокоила и со вздохом сказала, что я должна гордиться тем, что я немецкая девочка, а то, что он про меня сказал – это неправда. Слова бабушки были для меня превыше всего, поэтому я успокоилась.

Дома у нас была большая русская печка, на которой спали мы с Фридрихом и бабушка. На ней было тепло и уютно. В ней готовили, еду, грели воду для стирки, купания и других нужд. За домом был огород на, котором сажали картошку, капусту, тыкву, морковь, свеклу, лук, чеснок и бобы.

В конце огорода росла конопля, которую после созревания родители сушили, молотили, жарили, и мы все с удовольствием ее ели. Подсолнухи после созревания тоже обмолачивались, сушились и, при желании, жарились.

Зимой у нас в доме появлялся теленок, который нам с Фридрихом очень нравился и к тому же появлялась дополнительная обязанность ухода за ним. В нашей семье наблюдалось медленное сближение. Иногда к нам приезжал дядя Генрих из Сергиевки с сыном Густавом и дочками Ирмой и Гильдой. В их семье тоже появилась маленькая Мария. Мы все вместе играли в лапту на нашем огороде, пока на нем еще ничего не росло. Иногда и наш отец брал меня и Фридриха с собой и оставлял у дяди Генриха в Сергиевке до своего возвращения из Чумаково. Это время мы проводили очень весело.

Наши родители были работающими, много горя перетерпевшими и ко всему привычными людьми. Они выполняли любую работу с немецкой аккуратностью. Отца все называли на русский манер Иваном Осиповичем, мать – Эмилией Андреевной. Так как они оба считались рабоче-служащими, то получали две зарплаты. В колхозе в то время работали за трудодни, то есть за «палочки».

Бабушка приглядывала за мной и Фридрихом. Нам сравнялось по семь лет, и мы были вписаны в школьный список первоклассников. Мать сшила нам из мешковины сумочки. Моя сумка была с вышивкой, чтобы мы их не попутали.

Одев новую одежду, мы 1 сентября 1949 года пошли в школу. Фридриха, помня о моем печальном происшествии, стали называть русским именем Федя, которое он и носил до своей кончины. С нами учились и детдомовские дети, который позднее перевели в Чумаково. Там были и немецкие дети, с которыми первый год мы держались вместе. Потом я их часто вспоминала, глядя на большое, красивое здание, которое было отдано под зернохранилище, а затем под клуб.

Вскоре я сблизилась с Катей Моор, мама которой работала уборщицей в нашей семилетней Балманской школе. Мы держались особняком. С русскими детьми держали дистанцию из боязни, что они нас будут называть враждебным эпитетами – немцы, фашисты, гитлеровцы и т. д. Мы разительно от них отличались и это отталкивало нас друг от друга. Даже не все учителя были к нам доброжелательно расположены. Еще больно отзывались в душах людей последствия войны. Они не могли, а некоторые и не хотели понять, что мы также теряли своих близких, терпели нужду, к тому же враждебность и горе. Для них мы были чужие, а попросту говоря – немцы, и это нас разделяло. Постепенно наш первый школьный год закончился. Я перешла во второй класс, а Федя остался на второй год в первом. На его успеваемости сказались знания русского языка, ведь в семье по-прежнему говорили на немецком.

На жителей села накладывался подворный налог. Каждое хозяйство за год сдавало определенное количество молока,

яиц. Каждый имел книжечку, в которую приемщик вносил количество сданных продуктов под роспись. Например, взамен сданного молока мы получали обезжиренное молоко, так называемый «обрат», который наша мать проквашивала, и мы ели его по вечерам с хлебом.

Небольшая часть молока оставалась дома, мать собирала сливки из кринок в трехлитровую бутылку, пока она не наполнялась почти до верха. Эта бутылка всегда хранилась в погребе. Потом мы с Федей по очереди трясли эту бутылку, пока сливки не превращались в масло. Иногда мать вытапливала его и приправляла им обед. По утрам нам мазали маслом кусочек хлеба, который мы ели с самодельным кофе. Также охотно мы пили сыворотку, называемую еще «пахтой». Все было аккуратно и с немецкой основательностью рассчитано.

Летом мать сажала пару курочек на яички и у нас появлялись маленькие цыплятки. Когда они вырастали, молоденьких курочек оставляли, петушков и старых курочек определяли на лапшу, которую мать делала сама. Ее варили, когда кто-нибудь из семьи прибалывал или к празднику. Если кто-то приезжал в гости, то мать пекла вкусные кухен или плюшки. Белую муку родителям выдавали, как рабоче-служащим, к праздникам.

Однажды бабушка сказала, что к нам скоро приедут тетя Эмма Сайферт с сыном Виктором. Это дочь бабушки и сестра моего отца. Моя бабушка к тому времени стала совсем слабенькой, но по-прежнему опекала меня. Она нашу мать

и Федю из лютеранской веры перекрестила в католическую, чтобы вера господняя в нашей семье не разнилась. Мы с Федей совершали благодарственные молитвы Богу утром, вечером, перед едой и после. Мы соблюдали посты перед Рождеством Христовым и со второго февраля до Пасхи, за что мы во время праздников получали подарки.

Утром первого дня Пасхи мы находили возле постели тарелки с крашеными яичками и конфетами. Взрослые нам объясняли, что это принес зайчик. Наши родители старались, как могли, внедрить и сохранить в наших душах ту немецкую культуру и традиции, которые были нам необходимы. Однако со временем это все катастрофически терялось из-за потери нашей малой родины и противоречивых, насильно навязанных условий. Мы жили среди русских людей и волею судьбы должны были от мала до велика этим условиям следовать. Родители должны были отмечаться в комендатуре, как преступники, не зная за какие преступления.

Летом приехала к нам тетя Эмма со своим трехлетним сыном Виктором. В трудармии она работала на укладке труб нефтепровода в городе Сызрань, где и осталась после войны. Ее муж Бенедикт Сайферт, работавший на лесоповале в трудармии, был по болезни временно отпущен к жене. За это время они соорудили себе избенку и уже после того, как он поправил свое здоровье, его вновь призвали в трудармию. В этот период 28 апреля 1947 года у них и родился сын Виктор. Однако встретиться отцу с сыном не пришлось.

После второй мобилизации дядя Бенедикт заболел туберкулезом и смертельно больным был отпущен домой. 8 марта 1947 года он умер, не дожив полтора месяца до рождения сына.

После смерти мужа и рождения сына новая напасть. Домик, который они соорудили с мужем, подпадал под снос. Именно в том районе было запланировано строительство гидростанции и их домик затопили. Так тетя Эмма оказалась у нас в Балмане и мы все были им рады. Однако наше жилище было маловато для увеличившейся семьи, поэтому была куплена еще одна избушка. Бабушка была очень рада приезду дочери с внуком, но она была уже сильно больна и 23 сентября 1950 года умерла от сердечной недостаточности. После ее ухода я чувствовала себя очень одиноко. Ночами я дрожала от страха, пока засыпала. Днем ходила нерасчесанная, пока тетя Эмма не научила меня заплетать косы. Она, как могла, опекала меня, и я была рада видеть ее рядом, так как она неувовимо напоминала мне мою любимую бабушку.

Наши родители были всегда заняты работой по дому или в сельпо. Мы с Федей снова ходили в школу. Я во второй, а он повторно в первый класс. Я училась хорошо, без видимых затруднений. Дома по-прежнему разговаривали по-немецки, на улице и в школе – по-русски. Учительницу нашу звали Анна Михайловна Смирнова. Ко мне она относилась ласково и всегда ставила в пример ученикам, которые плохо учились. Однажды она сказала одному однокласснику: «Ты, рус-

ский обормот, посмотри на эту девочку, она немка, а понимает хорошо русскую грамматику, а ты получаешь двойки»! Так этот мальчик в течение всего урока показывал мне кулак, а во время перемены надавал мне пинков. Я конечно же терпела, так как была бесправным существом и это был удел моего детства.

Однажды мы вперемешку с русскими детьми играли на улице в лапту. Один из пацанов, во много раз крупнее меня, приказал принести ему из дома две пачки папирос, а за неисполнение пригрозил дать по шее. Отец мой курил, и я знала, где они лежат. Я никогда ничего не трогала без разрешения, но боясь побоев, взяла две пачки отцовских папирос «Прибой» и спрятала их в сарае под сеном. Родители конечно обнаружили пропажу и первым делом опросили Федю. Так как он не имел к этому никакого отношения, позвали меня с улицы домой и поставили перед фактом.

Отец избил мое заднее место тогда до такой степени, что я две недели не могла сидеть. После этого я боялась его месяц. Завидев, пряталась или убегала. Ему конечно было больно видеть такое мое поведение и неожиданно встретив меня однажды во дворе, прижал к себе и, погладив по голове, сказал, чтобы я его больше не боялась, он не будет меня больше бить. Было непонятно, то ли он прощал меня, то ли сам просил прощения. Затем он спросил, зачем я так сделала. Я ответила, что меня заставил это сделать мальчишка. Таким образом побоев тогда избежать мне не удалось, если не от маль-

чишки, то от собственного отца. Но, как говорят, любое учение – урок. Все равно я говорю отцу спасибо, что он раз и навсегда отучил меня делать такие неблагоприятные поступки. Это был единственный раз, когда отец поднял на меня руку.

В соседях от нас жила добрая Соломея Никитична Пухова, муж которой не вернулся с войны. У нее было трое детей – Таисия, у которой был сын Саша, наш с Федей ровесник, с которым мы часто играли; сын Василий, который пришел с войны раненый и вскоре умер; дочь Надежда, которая была старше нас, но еще училась в школе.

С другой стороны по нашему порядку жил дедушка Степан, высокий и худощавый, со своей старушкой. Он имел самодельную лодку и по утрам ставил сеть на озере, а вечером собирал рыбный улов. Иногда он и нам давал рыбу. Мать ее жарила, а взамен давала ему свежее самодельное масло. Местные жители тоже иногда покупали у нас красиво оформленное свежее масло. Еще наша мать делала на сковороде плавленый сыр, который наша семья охотно ела.

Я стала водить дружбу с Катей Моор, а также постепенно и с русскими девочками – Леной Достоваловой, Марусей Волосниковой, Валец Шмаковой, Алей Зоновой. Летом мы все вместе ходили на Омку купаться или на озеро Балман. Места вокруг нашего Балмана были удивительно красивы. За огородами рос кустарник, так называемый «Согра». Между Согрой и Омкой была красивая поляна. На ней мы собирали клубнику и костянку, а в Согре – смородину, шиповник

и калину.

На озере мы лазали в камышовые заросли, которые назывались «Лабза». Там росли и мочки, снизу белые и очень вкусные, сверху зеленые листья, которые мы выбрасывали. Также мы собирали на лугу пучки, медунки, дикий лук и щавель, из которого дома варили вкусный суп. Аптечных витаминов и шоколада в ту пору мы не видели, но мы всегда были в форме, питаясь такими дарами природы.

Отношения с русскими детьми стали у нас потихоньку налаживаться, но появилась новая причина, повлиявшая на них. Когда они приходили к нам и заставляли нас молящимися, то это было для них непривычно, и они стали нас передразнивать. В школе учителя тоже говорили, что Бога нет, а религия – опиум. В конце концов мне надоели все эти издевки, и я категорически отказалась молиться. Физическому наказанию со стороны отца я не подверглась, но он поставил меня на колени и запретил ужинать, пока я не помолюсь, но этому я не последовала.

Отец все же сжалился и разрешил мне лечь спать. Утром он сказал, чтобы я не притрагивалась к еде, пока не помолюсь. В то утро я ушла в школу голодная. Днем отца не было дома и мать предложила мне поесть, ей было меня жаль, но я принципиально отказалась. Вернувшийся вечером отец о чем-то пошептался с матерью и на этом все отошли ко сну. Утром все повторилось и продолжилось до следующего дня.

Когда я в очередной раз собиралась уйти голодная в шко-

лу, ко мне подошел отец, погладил по голове и сказал: «Садись поешь, я больше не буду заставлять тебя молиться» – при этом тяжело вздохнул. Таким образом я предала Бога, не до конца понимая, что происходит, и считала свое поведение правильным. Многим позднее в глубине души я раскаялась, но пока это произошло, все молитвы были напрочь забыты. А тогда я была всего-навсего девятилетним ребенком, гонимая преследованиями, моральными унижениями моей детской, неокрепшей души. Возможно, я считала свой поступок некой победой, сумев отстоять таким образом свою позицию.

Я настойчиво искала тишины, покоя и уюта, душевного тепла, которых я не находила ни дома, ни в школе, ни на улице. Но нет худа без добра. Я полюбила художественное чтение. У нас в Балмане была неплохая сельская библиотека, в которой могли брать книги как взрослые, так и дети. В один из дней я записалась в эту библиотеку и стала там активной читательницей.

Первыми моими книгами были сказки, которые захватывали мое детское воображение. На смену им пришли военные книги, в которых описывалась жизнь и деятельность партизанских отрядов с участием детей против фашистских захватчиков – «В лесах смоленщины», «Повесть о Зое и Шуре», «Молодая гвардия», «Улица младшего сына», «Александр Матросов» и другие. Эти книги действовали на мою детскую душу благотворно. Они заронили в ней чувство му-

жества, стойкости, честности, твердости духа, которые стали формировать мой характер. Я перестала обращать внимание на оскорбления, молча переносила унижения. В то же время старалась быть полезной, где считала нужным.

Дома меня постепенно привлекали к домашней работе. Я носила с озера воду в кадуюшку, по субботам брызгала и поливала комнатные цветы, которые красиво цвели на подоконниках и украшали нашу маленькую избушку. Со временем родители сделали в ней ремонт. Они выбросили русскую печку, которая занимала половину избы и сложили небольшую плиту. Крышу они покрыли новым дерном, так как во время дождя она протекала как решето.

После ремонта у нас стало намного уютнее и просторнее. Наша мебель состояла из большого сундука, на котором я спала до четырнадцати лет, стола, табуреток, скамейки, сундучков и стульчика, посудной полки, родительской кровати и Феединой раскладушки, которую смастерил отец, а также керосиновой лампы и настенных часов. Все было аккуратно расставлено и разложено по своим местам. Кое-что из мебели и посуды было привезено еще с насиженного и навсегда потерянного дома на Волге.

Мылись мы по очереди в большом тазу каждую субботу. В этот же день меняли и одежду. Зимой в этом же тазу мать стирала нашу одежду, вымораживала на морозе и после этого вешала ее над плитой для просушки. Летом белье сушили на улице, на бельевой веревке, если таковая имелась, разбра-

сывали его по частоколу или забору-плетню. Проглаживалось белье утюгом с углями или попросту нагретым на огне. На всякий случай у нас были еще две скалки, на одну из которых наматывалась вещь, другой, придавливая, его раскатывали, и белье таким образом проглаживалось. Родители во многом старались сохранить быт и уклад жизни, как у себя на родине, чтобы хоть что-то им напоминало об их прошлой, казавшейся теперь совершенно счастливой жизни.

Одному Богу известно, сколько слез пролили наши родители и теть Эмма при одном только упоминании о родине. Почему Федя, сын тети Эмилии, и Витя, сын тети Эммы, не знали своих отцов, почему я не испытала ласки моей так рано умершей матери. Все народы Советского Союза слагали песни, писали книги, сочиняли о героях стихи, которые и мы немецкие дети учили и читали их в школе и дома. Почему дети всех народов, в том числе и русские, дразнили, били, пинали и преследовали нас, немецких детей, которые еще в большей мере, чем остальные, терпели нужду, сиротство и унижения?

Об этом я за всю свою жизнь не читала ни одной книги — ни о наших до изнеможения работавших трудармейцах, родителях, работавших в тылу женщинах и умирающих стариках и детей, которые не имели права на жизнь из-за гонения, унижения и бесправия. Кому нужна была эта нестерпимая травля? До сих пор никто мне на эти вопросы ответа не дал.

Как бы то ни было, но мы росли и учились в школе, а ро-

дители, как могли, заботились о нас. Когда нам с Федей исполнилось по одиннадцать лет, в семье у нас родилась сестричка Розочка, которой мы все были очень рады и по очереди нянчили ее. Отец с матерью тоже были счастливы, хотя и было им уже за сорок лет. Мы с Федей помогали по хозяйству, вскапывали огород, сажали и копали картошку, пилили дрова, а зимой очищали двор и прилегающую территорию от снега.

Зимы были очень холодные, морозы достигали сорока градусов. Ученики в школе сидели в пальто, чернила превращались в лед. В школу ходили в валенках и по мере надобности отец мне их подшивал. Иногда из-за морозов в школе отменялись занятия на некоторое время. После Крещения, в последней декаде января, морозы немного ослабевали и занятия в школе продолжались. Мы ходили на ледяную горку кататься. Ее поливали до тех пор водой, пока не образовывался ледяной, гладкий покров. Санок у нас не было, и мы спускались вихрем с горки на застывших коровьих лепешках. Игра в снежки была нашим ежедневным, излюбленным занятием. С пятого по седьмой класс в школе преподавали немецкий язык. Училась я хорошо, и мои одноклассники приходили ко мне за переводом. Я помогала всем, кто обращался ко мне за помощью.

Иногда к нам приезжал дядя Генрих Шнейдер из соседней деревни Сергиевка. Он доводился дядей Феде и был родным братом погибшего в трудармии Фридриха. Мы с Федей все-

гда радовались его приездам, потому что он катал нас на велосипеде. Отец наш продолжал выполнять все те же работы, что и первые годы после возвращения из трудармии. Только ездил он теперь в Чумаково на лошадях, которых приобрело правление сельпо. За товарами он уезжал утром и возвращался поздно вечером.

5 марта 1953 года умер Сталин. В школе нас срочно выстроили на линейке в коридоре, и наша пионервожатая Мария Нестеровна вместе с учителями и директором Александром Михайловичем Таскаевым с прискорбием сообщили о его смерти. Мария Нестеровна плакала, и мы по ее примеру тоже. В связи с трауром занятия в школе отменили и нас выпустили по домам.

Я, маленькая дурочка, явилась домой вся в слезах. Отец в тот день был почему-то дома. Увидев меня в таком состоянии, он поинтересовался о причине. Я стала рассказывать, что умер наш вождь Сталин. Отец покачал головой и сказал, что из-за Сталина умерла моя мама. Услышав его грустное сообщение, я перестала плакать и в тот же момент мои слезы высохли. Через пару лет после смерти Сталина с немцев-спецпоселенцев сняли комендатурский надзор. В 1954 году отменили план подворной сдачи молока и яиц. Мать уступила свою работу тете Эмме, а сама перешла сторожем при сельпо в связи с тем, что сестричка Розочка была маленькой, и она не могла ее оставлять одну.

В то же время взрослые вели какие-то разговоры о рефор-

ме. Что это было, мы не понимали, но после этого отец купил себе тулуп, которым родители укрывались в холодные зимние ночи. Нам же с Федей справили новую зимнюю и летнюю одежду. Я уже училась в седьмом классе, а Федя отстал от меня и был только в пятом. В 1956 году у родителей родился сын Ванечка. Отец просто светился от счастья, ведь это был его единственный сын. Розочке было уже три годика.

После смерти Сталина вождем страны стал Григорий Маленков и в этом же году вышел указ о реабилитации немцев в России. К нам заходили наши односельчане, жившие прежде в селе Реммлер, в Поволжье. Все вдруг захотели уехать из Сибири, но в указе было оговорено, что переезд разрешен во все уголки России, но только не на свою родину на Волге. Каждый глава семьи вносил свои предложения, которые потом обсуждались.

Этой же зимой вспыхнула эпидемия кори и мы с Федей дружно заболели. Федя болел недолго, я же ко всему подхватила еще и воспаление легких и стала кашлять кровью. К нам приходила медсестра Нина Прокофьевна и делала мне уколы. Потом отец занес в избу кадуюшку, положил на дно раскаленный кирпич, мать поставила в нее еще и табуретку и поливала этот кирпич горячей водой. Меня поместили в эту кадуюшку и закрыли с головой одеялом, дали чашку с печеньем и разрешили съесть сколько хочу. Я выдержала в кадуюшке целый час. Эту процедуру со мной проделали несколько раз, и я пошла на поправку.

После двухмесячной болезни я вновь пошла в школу. От школьной программы я сильно отстала, да к тому же стали появляться частые головные боли и два-три раза в день шла кровь из носа. Однако я старалась и потихоньку наверстала программу и сдала в мае экзамены за седьмой класс и перешла в восьмой.

Река Омка зимой промерзала почти до дна и через нее можно было переходить и переезжать, чем и пользовались Кормачевские школьники, которые учились в нашей Балманской семилетней школе. В конце апреля начинали таять снега. С Омки слышны были громкие удары от напозавших друг на друга льдин. Река была проточная и за счет бурного течения она быстро освобождалась ото льда. Иногда на льдине плыла собака, которая не решалась прыгать в ледяную воду. Вскоре по очищенной реке начинали плыть из урмана плоты, на некоторых из них находились собранные избышки. Для нас это было интересное и необычное зрелище.

На берегу реки стояла огромная старая ветряная мельница. Уже в то время она была бездействующей, но ее огромные крылья иногда раскачивал сильный ветер. Молодежь с гармошками и балалайками, и мы, ребяташки, за ними гурьбой появлялись возле мельницы, особенно на весенних праздниках. Почему-то именно там устраивались народные гулянья. Лес покрывался зелеными листочками и весь деревенский пейзаж становился очень красивым.

Со стороны озера весь Балман смотрелся, как на прекрас-

ной картине. Вокруг берега росли зеленые камыши, дальше по воде красивые белые лилии и желтые кувшинки. Далеко за озером виднелась кромка соснового леса. В конце лета мы с тетей Эммой и другими жителями ходили в том направлении в рям за брусникой и клюквой. Воздух там был чистый, хвойный. Под ногами был мох, и мы шли, как по перине. Ягода росла прямо на мху. Ее дома замораживали или сушили в печке на капустных листьях. Заготовкой ягод приходилось заниматься мне.

До середины пятидесятых годов, в течение двух лет, в Балмане провели электрический свет и почти в каждом доме установили радиоточку. В конце села находилась зерносушилка, заброшенная гончарня, паровая мельница, в которой колхозники мололи свое зерно, полученное на трудодни в конце года. К тому времени у нас был свой большой огород. Все выращенные на огороде овощи убирались осенью в погреб. Они были хорошим добавлением к столу.

В этом же 1956 году, как и многие немцы, наши родители, тетя Эмма Сайферт с сыном Витей, семья Горнунг решили уехать из Балмана. Мы с Федей были не в восторге, так как в наши четырнадцать лет мы были «сыты» всеми неурядицами и боялись неизвестности. Здесь нам все было знакомо и уже почти никто не называл нас такими обидными словами, как «фашисты» и т. д. К тому же мы с ним родились здесь, в Сибири. Я – в Еланке, Федя – в Сергиевке. Это была уже наша малая родина.

Сажать огород больше не стали. Розочка подросла и разговаривала тоже на двух языках. Ванечка лежал еще в зыбке. Если бы наши родители могли тогда предвидеть, что их ждет на Кавказе, куда они собирались ехать, то думаю лучше бы на какое-то время остались в Балмане, но это уже другая история. А тогда в один из дней родители приказали нам собрать наши вещички и сами упаковали все, что хотели взять с собой. Всей семьей сходили на кладбище, где были похоронены наша бабушка и две маленькие сестренки. Избушка была уже продана молодой паре учителей из нашей школы и нам предстояло переночевать в ней последнюю ночь.

Утром подъехала бортовая машина и наша семья вместе с семьей Горнунг уехали навсегда из Балмана. В Барабинске мы сели в поезд и поехали в неизвестность. Родившись в лихие годы в ссылке, где формировался мой характер и понимание того, что происходило, в моей памяти навсегда осталось замечательное стихотворение Михаила Исаковского «Слово о России», которое до сих пор волнует меня.

P.S. Участником всех этих событий был и мой клейменный, несчастный народ. Долгие десятилетия о Подвиге моего народа не сказано было ни слова. Родина просто-напросто делала вид, что его как бы не было. Но Он ведь был и есть!

Своими воспоминаниями поделилась Эмма Швабенланд (урожд. Вернер). Германия 2013 год.

ВОСПОМИНАНИЯ ЯКОБА МИХЕЛЬ

Дядя Якоб Михель родился в 1931 году в селе Неймоор Балтерского кантона на реке Кармыш, впадающую в Волгу, а в начале XXI века переселился в Германию. Услышав эту песню, он стал взволнованно рассказывать о своей дороге от Волги до Енисея.

Для Неймоора весть о начале войны была как гром среди ясного неба. Вера в то, что враг за короткое время будет изгнан с захваченной территории, ни у кого не вызывала и тени сомнения. Все были уверены, что служившие в рядах Красной Армии сыновья и братья не допустят, чтобы фашизм мог нарушить жизнь и покой их родных и близких.

Но события тех лет развивались совсем по другому сценарию, написанному людьми «без царя в голове», как выразился дядя Якоб. Десятилетним мальчишкой он хорошо помнил массовое передвижение военных через их село. Еще остался в памяти и день, когда по дороге в школу детям объявили, что в школу идти не надо. Она была отдана в распоряжение красноармейцев. Дислоцировались они и в недалеко стоявшей роще. Истинного положения не знал никто. Раз шла война, причины удивляться не было. Но насколько были возмущены разбросанные по свету жители Поволжья, узнав десятилетия спустя уже из открытых источников, что

готовился подлый сценарий вторжения в населенные пункты Поволжья немецких захватчиков. Ведь что могло произойти, даже страшно подумать. Могли бы погибнуть переодетые в форму вражеской армии красноармейцы. Ведь большее число населения были пионерами, комсомольцами, коммунистами. Добровольцы рвались на фронт. Но что-то в этой затее пошло не так. И слава Богу! Но уже целенаправленно изымались военные немецкого происхождения с передовой и из Армии вообще, не взирая на чины и заслуги. Многие за тот короткий период начала войны проявили свой героизм и отдали даже свои жизни за Родину. Из их числа некоторым были присвоены высокие правительственные награды и даже звания Героя Советского Союза. Нередки были случаи, когда скрывали свое немецкое происхождение и меняли имена, чтобы остаться на передовой.

Все, что происходило в первые месяцы войны, позднее можно было охарактеризовать, как репетицию. Сам же драматический спектакль состоялся после указа от 28 августа 1941 года. Ему больше подойдет название «Депортация немцев Поволжья и всего СССР в места не столь отдаленные или в никуда».

Услышав о выселении, старые люди говорили, что этого не может быть. Работа в тот день была отодвинута на второй план, хотя и было время уборки урожая. Жители всех трех улиц Неймоора собрались у здания колхозной конторы. Решено было командировать колхозного конюха на централь-

ную точку в сельский Совет, чтобы он узнал об положении дел. За вернувшимся конюхом вскоре появились и представители НКВД. Они зачитали указ и начали перепись населения и имевшихся в наличии хозяйств. Людям самым постыдным образом «обещали» при возможности все сохранить и вернуть после их возвращения. В такие басни, рассказывал дядя Якоб, тогда могли поверить только мы, дети.

Время, отведенное на сборы, составляло сутки. То, что творилось в это время в селе, трудно даже описать. В каждый двор подавалась кем-то организованная повозка, запряженная лошадью или быком. Когда совсем стемнело, мы с отцом зачем-то спустились к реке. Он крепко держал меня за руку, но мне почему-то было очень страшно. Этот страх я помнил всегда, он был не от того, что было темно, ведь я был с отцом, а от какого-то необъяснимого предчувствия.

Первые подводы выехали, как только стемнело, а последние далеко за полночь, потому что всем сразу выехать было попросту невозможно. Улицы были забиты перегруженными повозками. Вещей наша семья погрузила довольно много. Помню даже большой сундук, набитый до отказа и закрытый на замок. Как я слышал позже, в других местах разрешалось брать ограниченное количество вещей. Видимо, это зависело от выселявших наше село. В семье почти все были взрослыми, кроме меня, поэтому вещей требовалось больше.

Дорога наша шла до Волги, к пристани Золотая. По обеим сторонам дороги тянулись зерновые поля, а вокруг, насколь-

ко можно было видеть, всюду валялся объевшийся крупнорогатый скот. Это страшное преступление, за которое никто не понес наказания из тех, кто его совершил. Наказаны же опять были те, кто к этому преступлению никакого отношения не имел, кто в двадцать четыре часа должен был покинуть свои края без права задать единственный вопрос – за что?

Перегрузив весь свой багаж на судно, отчалили до Угловой, где и должны были пересесть на поезд, стоявший в каком-то углу. Собаки сопровождали нас от самого дома и еще долго бежали за пароходом, увозящим их хозяев все дальше и дальше. Родители уже пожалели, что взяли столько вещей, так как тащить их было невероятно трудно. Мне тоже досталась какая-то поклажа, которую я еле нес, выбиваясь из сил. Кто-то разузнал, что нам предстоит ехать в направлении юга по южной железной дороге. Уже в дороге стало известно, что состав движется в сторону Ташкента. По пути следования нам приносили вареную пищу, суп и хлеб. Было ли это по всему пути нашего следования, сказать точно не могу, а то, что этот факт был, могу утверждать. Может быть, это тоже зависело от конкретных людей. Но многие во время депортации были предоставлены сами себе и умирали от голода, так и не добравшись до места назначения. Знаю это по рассказам очевидцев того кошмара. Самыми уязвимыми были, конечно же, дети и пожилые люди.

Когда мы добрались до Ташкента, дорога наша круто по-

вернула на север, и мы прибыли в город Новосибирск. Там наш вагон постоянно куда-то отталкивали, перегоняли. Время прошло достаточно много. Опять кому-то из взрослых удалось узнать, что теперь путь пойдет в западном направлении, а затем на восток до города Красноярска. Люди были уставшие, да к тому же вскоре стали замечать, что в вагоне становилось все холодней. Сказывалось северо-восточное направление.

Наша семья попала в Красноярский край, в село Вершинка Прокопьевского сельсовета Иланского района. Оставшиеся на станции пятнадцать семей никто не хотел забирать. Все они были из нашего села Неймоор. Половину соглашались забрать, но разместить у себя в деревне всех не имели возможности. Мой отец Иохан Михель был прекрасным столяром, поэтому последние, приехавшие из села Вершинка, согласились забрать все пятнадцать семей. Рассадив всех по бричкам, двинулись дальше. Село находилось за девяносто километров от станции. Дорога была не приведи Бог какая. На ней так трясло, что я вылетел и угодил в воду. Мне начинало казаться, что мы никогда и никуда не доедем, и я попросту замерзну в дороге. Уже в сумерках добрались до поселка Южный, где и заночевали в каком-то сарае или амбаре.

Представшая взору Вершинка удивила своим расположением. Если смотреть сверху, то она имела форму креста. Ее улицы в центре пересекали друг друга. Сразу же появились

любопытствующие из местных. Держались они на расстоянии и подчеркнуто враждебно. Все уже знали, что должны приехать немцы, и так называемая встреча прошла молча, кроме нескольких реплик, высказанных с удивлением: «Надо же, а они такие же люди, как и мы!». Какими чудовищами они нас представляли, догадаться нетрудно. Для них мы были одними из тех, кто нарушил их покой. Но перед ними предстали уставшие, измученные дорогой люди, среди которых были даже малые дети. Как-то не вязалось это с тем страшным обликом врага, бесновавшегося где-то на западных рубежах.

Наша семья Михель поселилась в двухкомнатной хибаре. В крохотной комнатухе поселился брат с семьей, а в другой – все остальные члены семьи, включая родителей. В 1942 году всех мужчин в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет в срочном порядке стали мобилизовывать в трудармию. Под мобилизацию подходили оба моих брата. Отцу на то время было пятьдесят семь лет. Однако это не помешало попасть ему во вторичную депортацию, дальше на Север, в районы Норильска. Произошло это в июле 1942 года. Вновь сборы и дорога назад в Красноярск. Суда до Минусинска и Норильска делали по три рейса в неделю. Следуя по маршруту до Норильска, на каждой пристани сходили пять-шесть семей. Нашим новым местом поселения стало Верещагино. Нас поселили в здании клуба. Народу было очень много. Спали вповалку, голова к голове. Такой об-

раз существования не предвещал ничего хорошего. О себе заявила черная оспа. Первыми жертвами стали, конечно, дети. Их косило, как косой.

При этих словах дядя Якоб вытер слезы.

Так дальше продолжаться не могло, поэтому было выдано разрешение вырыть на противоположной стороне поселка землянки для 25 семей. Об учебе в школе в тех условиях не могло идти и речи.

В центре каждой землянки стояла буржуйка, приспособленная из железной бочки с прорезанной дырой. Так как для заготовки дров практически не было свободного времени, буржуйки топили так называемым «долготьем». Шли в лес, срубали подходящей толщины дерево и, притащив к землянке, один конец пропихивали в печную дыру, а второй мог наводиться на улице. Это зависело от того, какой длинны было дерево. По мере обгорания его постоянно продвигали в печь. В общем, условия жизни были таковы, что не особо хочется о них и вспоминать, но помнить об этом кто-то должен. О таком грех забывать.

Именно зима 1943—1944 годов стала для меня самыми страшным ударом судьбы. Сначала от голода умерла моя мама. В семье остались отец, сестра Аннамария, родственница, все время жившая у нас, и я. Родственница, которую звали Анна Моор, после ухода из жизни мамы переселилась в другую землянку. Однако беда одна не ходит. Через короткое время умирает и мой отец, также от голода. После это-

го Анна Моор вернулась вновь в наше жилище, в котором мы оставались с моей сестрой. Но такой страшный удар, как потеря родителей, оказался не последним. Весной этого же года не стало и сестры Аннымарии, причина смерти – голод. В это же самое время погибает и старший брат Иохан в трудармии. Он работал где-то на станции Решета Иркутской области, если мне не изменяет память.

Дядя Якоб надолго замолчал, погрузившись в свои тяжелые, ведомые только ему мысли.

Ведь они все были еще так молоды, маме – пятьдесят лет, отцу не было и шестидесяти, сестре – двадцать лет, брату – за тридцать. Причиной такого массового голода стали не столько тяжелые условия в годы войны, сколько, как бы теперь сказали, человеческий фактор.

Север снабжали продуктами и всем необходимым только по рекам и во время навигации. Этот период был очень коротким. Загрузка парохода по вопиющему разгильдяйству ответственных лиц началась с большим опозданием. Отчаливший пароход, достигнув Нижнюю Тунгуску, вынужден был встать, так как реку сковало льдом. По всей округе были мобилизованы жители для его разгрузки, в том числе и дети. Разгрузка велась круглосуточно. Складировалось все в близлежащем лесу и строго охранялось. Продукты доставлялись на лошадях, оленьих упряжках. Однако обеспечить в полном объеме потребность в таком количестве продуктов было недостаточно. Отсюда и чудовищная смертность среди насе-

ления, а особенно среди неприспособленных к такому суровому климату переселенцев. К тому же, при первом ледоходе вода поднялась и огромные льдины забаррикадировали весь лес, где находился склад с продуктами. Этот лес находился на островке между двумя реками Шар и Турухан. Когда лед начал подтаивать, весь склад вместе с продуктами смыло в реку и унесло в Карское море. Чудовищная правда, о которой я не могу не сказать.

К нам в жилище перешла жить Сюзанна. Аннамария и Сюзанна были замужем за братьями Моор. У обеих не было своих детей и мужья их были в трудармии. Они постоянно спорили, чей муж лучше.

Население в основном занималось выращиванием овощей, которые на плодородной земле росли на удивление хорошо. В пригородном колхозе занимались и выращиванием скота, перебросив с Поволжья породистых, черно-пестрых коров.

Управляющим всем этим хозяйством был некий Шульц. Судя по фамилии, немец. Он скорей всего был отозван в начале войны из армии. Слыл человеком непорядочным и жестоким. Обижал людей, невзирая на пол, возраст и национальность. Люди вынуждены были писать на него даже жалобы вышестоящему руководству.

К концу лета 1944 года возникла необходимость строительства овощехранилища. Шульцу пришлось в голову ни что иное, как соорудить его на месте, где стояли землянки наших

переселенцев. Нам предстояло новое уплотнение. Сигналы о негуманном отношении Шульца к колхозникам возымели место и последовала реакция. Вскоре в колхоз приехало руководство района и с ними была незнакомая местным женщина.

На общем собрании были выявлены все недостатки и нарушения со стороны управляющего и бухгалтера. Они были арестованы и понесли наказание по тогдашним законам военного времени. Новым председателем назначили рекомендованную районом Бузину Агнию Ивановну. Она оказалась дальновидным и порядочным человеком, сделавшим много хорошего для хозяйства и его тружеников.

При Бузиной в соседнем с Верещагиным Старотаруханске открыли интернат. Жили в нем двенадцать девочек и двадцать мальчиков. Там мне удалось закончить второй класс. Директором в школе была Екатерина Кирилловна.

В 1947 году Аннамария Моор получила вызов от мужа. Генрих Моор вернулся в 1946 году комиссованным по инвалидности. Обосновался он в Алтайском крае и разыскал свою жену. Она хотела взять меня с собой, но вызов был только на нее, и мне было отказано. Тем более, что и фамилия у меня была Михель. Генрих Моор до войны работал ветеринарным врачом в Поволжье, и председатель Бузина настойчиво просила, чтобы он переселился в Верещагино и занял эту должность. Однако он решил обосноваться на Алтае и это предложение отклонил. Может, это и послужило

отказом Бузиной помочь в оформлении документа для моего переезда вместе с матерью Аннамарией на Алтай. В интернате я заболел скарлатиной и мать отвезла меня в больницу. Медсестрой там, к счастью, оказалась знакомая матери еще по Неймоор. Она также была выселена по национальному признаку, несмотря на то, что была русской. Замужем была за немцем и прекрасно владела немецким языком. К сожалению, не знаю ее фамилию, а может просто забыл. Как раз она и помогла нам с переездом. Для этого пришлось отцовскую фамилию Михель сменить на Моор. При оформлении мне почему-то вписали 1936 год рождения, хотя я родился в 1931 году. С того времени я стал Моор Якоб Генрихович и кто знает, что стало бы со мной, останься я один на Енисее. Вернувшись из района с уже оформленным для нас с матерью вызовом, медсестра с какими-то странными нотками в голосе, обращаясь непонятно к кому, сказала по-немецки: «Diese Ungeheuer Kalinin ist gestorben». Хотя в палате находились только русскоговорящие дети и понять ее смог бы только я, но тогда мне было понятно лишь, что умер какой-то Калинин, не более того. Много позднее я узнал, что и эта фамилия стояла под тем указом от 28 августа 1941 года и именно поэтому для всех выброшенных со своих территорий немцев это имя было нарицательным.

Сборы в дорогу были недолгими. Проводить нас с матерью до Новотуруханска вызвался Альберт Граф. Приехал в Верещагино незадолго до этого на воссоединение с семьей.

Это был образованный и интеллигентный человек, работавший до войны в каком-то театре. Аннамария Моор была с ним знакома еще по Поволжью.

Идущие из Норильска пароходы были до отказа переполнены. К некоторым пристаням они вообще не причаливали и люди, ожидавшие пароход долгое время, бросались прямо в воду, надеясь, что их подберут. Девять суток пришлось нам ждать пароход в Новотуруханске. Наконец приближавшееся судно «Серго Орджоникидзе» пришвартовалось и началась посадка. Это был штурм неприступной крепости. Если бы с нами не было Графа, взойти на судно нам бы не удалось. Он посоветовал нам крепко держаться руками друг за друга. Я держался за ремень дяди Альберта, мама держалась за меня и вот так гуськом нам удалось ступить на палубу.

Когда мы сошли в Красноярске, все повторилось. Казалось, что весь белый свет ринулся в дорогу. И этот «гостеприимный» город оставил нас у себя вновь на девять дней. Остановиться было негде, билетов не было почти на две недели вперед. По прибытии полил сильный дождь, а мы вынуждены были оставаться на улице. Рядом с вокзалом была баня, в которую ожидавших своей отправки людей посылали почти принудительно. Такое удовольствие стоило три рубля. Запас денег у матери был ничтожно мал, да к тому же нужно было еще чем-то питаться. Кроме булки хлеба, которая стоила 120—130 рублей, да воды в нашем рационе ничего не было.

В один из дней к нам подошел мужчина, объяснив возможность уехать. Собрал со всех предложенную сумму и указал направление. Нам пришлось пройти через пропускной пункт и десять километров по шпалам, после чего мы оказались возле стоявшего товарного состава. Этот состав следовал до станции Татарское Новосибирской области. Мы вынуждены были поверить незнакомому человеку и отправиться в дорогу без билетов.

С телеграфа на станции Татарское отправили телеграмму ожидавшему нашего приезда на Алтае отцу Генриху Морор. Сидевший рядом человек посоветовал добраться до Купино на машине, а там до Славгорода без пересадки. Мы последовали его совету. В Славгород добрались под вечер. Нам предстояло еще добраться до колхоза «Орджоникидзе» в село Камыши, а это за сорок пять километров. Постоялый двор колхоза находился за шесть километров от вокзала. Тащить с собой оставшийся багаж не было уже сил. Доверившись одной из женщин, возле которой лежало много узлов, пошли пешком. Там, как и везде в дороге, было полно народу. Я вновь вернулся на вокзал, но женщины там уже не было. Возвращался на постоялый двор уже совсем ночью, да еще с тележкой, которую мне одолжили мужчины, приезжавшие на мельницу в Славгород. В поисках забрел в какой-то двор. В это время открылась дверь и вышел милиционер. Я как раз стоял возле поленницы дров. Что можно было подумать, увидев меня, да еще с тележкой? Он сказал: «А, ты хо-

тел дрова воровать? Я тебя сейчас арестую!». Испугавшись до полусмерти, я что-то мямлил. Но, слава Богу, он понял, что я ищу постоянный двор, который, к счастью, находился по соседству, и он меня отпустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.